

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

Дорожная карта обрывается на краю карты географической. Прежнее общество оказалось исторгнутым из истории, а чтобы бытие имело смысл, на пунктирной траектории цивилизации обозначилась точка сингулярности, чреватая Большим социальным взрывом.

Обменяв личную судьбу на коллективную историю, люди уже многое знают, но далеко не всё научились понимать.

ЗНАНИЕ И СО-ЗНАНИЕ

*Долгое время мы не понимали
революции,
свидетелями которой являемся:
долгое время мы принимали
ее за событие.*

Мы заблуждались, это – эпоха.

Жозеф де Местр

Координаты практики, коллективное прочтение реальности – среда обитания знания, со-знание, его доминантная форма. В ней также обретается критический фермент: своего рода соглядатай, диверсант – тяга к обретению более полного или же иного бытия.

Миропознание и производимые трансформации – это не только стремление к выживанию, перемены по пути к свободе и совершенству, скорее «крутой маршрут» экзистенции, на этапах которого возникают прогрессирующие и регрессирующие формы сознания: рефлекторное, синхронистичное (аналоговое), диахронное (линейное), синергичное, эклектичное, деструктивное (антургеничное).

Мировидение опирается на процесс постижения/интерпретации жизни и образующиеся при этом формы, входящие в пространство коллективной коммуникации и памяти, эксплицируемые, фиксируемые в разного рода объектах, транслируемые тем или иным образом окружению и поколениям. Житейские скрепы соединяют мировидение с формулами домостроительства, то есть инициируют процесс, который называется историей.

Сегодня, конвертируя современность в транзит, мы входим в виртуальный (*virtualis*), но именно поэтому – подлинный (*virtus*) мир, где настоящее сожительствует с представляемым, сущее – с должным, возможное – с запретным. А траектория жизни в заметно большей степени зависит от усилий человека и выбранной позиции. Подобное бытие на разломе предполагает иную модель рефлексии, нежели прежнее понимание ситуаций и методов практики.

Кризис мировидения – источник стремительно накапливающихся неурядиц. Когнитивная растерянность, умножение недостатков катафатической стилистики отчасти амортизируют-

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

ся усложнением методологического аппарата, переосмыслением контракта с экзистенцией, но все это – в предродовом буйстве прорывающихся контртезисов негативной диалектики.

Шанс на исход из сценарных тупиков, однако, не в сумме рефлексивных практик, верифицирующих регуляции сверхсложных, высокоадаптивных систем и рассчитывающих на обретение второго дыхания. И не в форсаже парадоксов/апорий как средств («ноозиаков»), пробуждающих ментальную витальность вплоть до семантической эйфории.

Кардинальное переосмысление исторической и антропологической сценографии, ее перепрочтение и постижение финала возможно лишь при непосредственном вовлечении самого естества деятельного субъекта. Речь, таким образом, заходит о ревизии предельных оснований: переменах в аксиоматике знания и действия.

Иначе говоря, о радикальной коррекции кодов сознания и смене ориентиров цивилизации.

ДИСКРЕТНЫЙ МИР

Наиболее архаичная форма сознания, которую можно отчасти реконструировать, изучая под определенным углом археологический материал либо патологические/предельные состояния психики, – это рефлекторное мышление.

Некоторое время назад в кинопрокате шел фильм «Memento». Популярным он не стал, в том числе потому что сложен для восприятия, ибо демонстрировал особую форму мышления: у героя серьезно повреждена память. Он владел общечеловеческими навыками, но текущие события помнил в течение краткого времени. Его существование было дискретным.

У архаичного человека был, по-видимому, сходный тип мышления. Оказываясь не в силах удерживать в мерцающем сознании пространственно-временную карту мира, он вынужденно прибегал к своеобразной автокоммуникации, пересылая себе же обретенные знания посредством знаков, зарубок, меток, оставляемых в окружающей среде и на собственном теле.

Деятельный символизм – род усложненной и отчужденной от создателя коммуникации – превращался в разветвленный, опрокинутый во внешнюю среду знаковый аппарат. Семиотика предшествовала семантике, представляя узорчатую канву «узелков на память» (см. соответствующую систему письма), сплетенных разными руками: искусную, искусственную стихию, переполнявшую мир. Совокупность собственных и чужих знаков, аккумулировавших знание, перепосылавшееся человеком самому себе, прочитывалась как обращения/сообщения иных сил. Сумма автопосланий смешивались с различного рода прозрениями, обрывками сновидений, их нарастающей интенсивно-

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

стью, случайной асимметричной интегральностью (идиоматической молекулярностью), сложным символизмом, иными формами психической активности.

Рефлекторное сознание отражало/выражало экзистенциальное восприятие, сопровождаясь провалами памяти, дефицитом больших смыслов, то есть рефлексивным вакуумом, заполнявшимся фантазмами и характерной для подобного состояния ума загроможденной бессвязностью бытия. Все это свидетельствовало о полуживотном статусе человека – мы, наверное, расценили бы сейчас такое состояние как особый вид психической патологии.

На древнейших хтонических божествах видна роковая тень этого алогизма, хаоса, безумия. Не творческая личность, но именно разъятый хаос, родовые воды, океанические пучины прямо или косвенно признаются создателями мифов изначальной субстанцией, дном космогонии, первичным бульоном жизни.

Древнейшая память в большей степени осязательна, нежели зряча, проявляется в ощущении либо озарении, но не в рефлексии. Она скорее ритуальна, чем мифологична. Здесь источник многозначности знаков, примет, признаков, их полифоничной рациональности – подсознательно накапливаемой суммой однотипных, реплицирующихся столкновений с миром.

По мере удержания, увязывания обрывков пробуждений и ритуальной рефлексии дискретный символизм слипается, сплетается в многоцветный венчик сведенной воедино карты бытия.

САКРАЛЬНАЯ ГЕОМЕТРИЯ ЖИЗНИ

Следующая генерация мышления и «упаковка» со-знания заметно устойчивее предыдущей. Она широко представлена в истории, проникает и в современность, но, кажется, недооценена в своей оригинальности и многообразии.

Особенно как специфическая рациональность – средство опознания и удержания целостной картины мира, механизм фиксации причинно-следственных связей, язык повседневной коммуникации, усеченно используемый/прочитываемый и в наши дни, получивший статус «художественного» либо «мифологического» мышления. Этот тип сознания определим как синхронное или аналоговое, а чтобы избежать упрощения и aberrаций, назовем его синхронистичным.

Появление подобной формы рефлексии означало преодоление дискретной рефлекторности мыслительного аппарата, обретение устойчивых связей с окружающей средой, то есть долгосрочное удержание целостной композиции.

Возможно, свою роль в организации сознания, привязке ситуаций/решений к месту и времени (формировании когни-